

Есть в Санкт-Петербурге замечательное место – Петроградская сторона. Жить на Петроградке – счастье для петербуржца. В этом плане Екатерине Полянской повезло, здесь она живёт, здесь училась в медицинском институте. Для меня читать стихи Екатерины Полянской как раз сродни прогулкам по любимой

Петроградке – это как вдыхать прозрачный воздух (да, такой тоже встречается в туманном и дождливом Петербурге) среди чудесных домов в стиле модерн, таинственных проходных дворов, церквей и монастырей, аллей Ботанического сада. И при этом не так важно, посвящены ли стихи Екатерины родному городу, Новгороду, Пскову, петербургскому троллейбусу, бабочкам или цветам – стиль поэта всегда легко узнаваем.

Д. Л.

ПРОГУЛКА В РУЧЬЯХ

Горький дым, да собачий лай...
Побыстрее коня седлай,
И сквозь жалобный стон ворот
Выводи, садись, и – вперёд.

Мимо свалок и пустырей,
Издыхающих фонарей,
Прогоняя от сердца страх –
На рысях, дружок, на рысях.

Под копытами хрустнет лёд,
Тёмный куст по щеке хлестнёт.
Направляясь вперёд и ввысь,
Ты пониже к луке пригнись.

Мимо стынувших развалюх,
Гаражей, канав, сараюх,
К тем местам, где нет ни души,
Поспеси, дружок, поспеси.

Сквозь крутящийся снежный прах,
Повод стискивая в кулаках,
Откликаясь на зов полей,
Ни о чём, дружок, не жалея.

Ничего у нас больше нет –
Только звёздный колючий свет.
И дорога. И мы на ней –
Просто тени среди теней.

* * *

Бредут в ночи, дорог не разбирая,
Кружат, своих не ведая путей,
Слепые миражи земного рая –
Больших идей и маленьких затей,

Сквозь вечный марш уценки и усушки,
Где лай собак страшней, чем волчий вой,
Где пролетарий над гнездом кукушки
Похмельною качает головой.

Сквозь песню, где баян *доносит тихо*
Кому – неважно...

Колкий звёздный жмых,

Любимый город, дремлющее лихо,
Мерцающая речь глухонемых,

Насущный хлеб, чуть влажный на изломе,
Обломки кирпичей, осколки слов –
Смешалось всё, как в чьём не помню доме,
В сияющей бездомности миров,

Рождений и смертей, летящих мимо,
В беззвучном вопле обречённых «Я»...
И лёгкость бытия невыносима,
И неподъёмн груз небытия.

* * *

Под конец ленинградской зимы ты выходишь во двор,
И, мучительно щурясь, как если бы выпал из ночи,
Понимаешь, что жив, незатейливо жив до сих пор.
То ли в списках забыт, то ли просто – на время отсрочен.

Сунув руки в карманы, по серому насту идешь –
Обострившийся слух выделяет из общего хора
Ломкий хруст ледяной, шорох мусора, птичий галдёж,
Еле слышный обрывок старушечьего разговора:

«...мужикам хорошо: поживут, поживут и – помрут.
Ни забот, ни хлопот... Ты ж – измаешься в старости длинной,

Всё терпи и терпи...» – и сырой городской неуют
На осевшем снегу размывает сутулые спины.

Бормоча, что весь мир, как квартира, – то тесен, то пуст,
Подворотней бредёшь за кирпичные стены колодца,
И навстречу тебе влажно дышит очнувшийся куст,
Воробьи гомонят, и высокое небо смеётся.

КАРТИНА

В Никольском храме древнего Изборска
Картина есть. Иконою назвать
Её едва ли можно: змей огромный
Среди багряно-дымных языков
Бушующего пламени разлётся,
Свиваясь в кольца и разинув пасть.
По телу змея, словно по дороге,
Влачатся к пасти грешники: цари
В роскошных багряницах вперемешку
Со скрюченной и злобной нищетой,
Разбойники, купцы, прелюбодеи,
Транжиры, игроки и гордецы,
Лжецы, чревоугодники, блудницы,
Блестящие придворные, скупцы,
Жестокие воители в доспехах,
Архиереи в митрах... И у всех
Отчаянье на лицах и покорность.
И каждый одинок и обречён
В потоке бесконечном, непрерывном
И безнадежном. А со всех сторон
Несчастных окружает нечисть: бесы
С бичами и трезубцами. Они
Бодры, неумолимы, мускулисты.
Напоминают лагерный конвой –
Собак и автоматов не хватает
Для сходства абсолютнейшего. В той
Наивной аллегории всё ясно
И канонично, в общем-то, вполне.
Когда бы не деталь: одна из грешниц
Споткнулась, обессилев. На неё
Бичом конвойный тут же замахнулся.
Локтём закрыла женщина лицо,

Пытаясь защититься от удара
И скорчилась. Нет в этом ничего
Необычайного. Но вот мужчина,
Идущий рядом... Крепко обхватив
Одной рукой несчастную за плечи
И наготу её прикрыв плащом,
Другой рукой он резко замахнулся
На беса. На охранника! Лицо
Его сурово, даже тени страха
На нём не отражается. Глаза
Глядят упорно, гневно прямо в харю
Бесовскую. И кажется, что тот
Слегка растерян от сопротивления
Нежданного... Но что хотел сказать,
Что показать хотел безвестный мастер,
Нарушивший канон?

А может быть,
К Всевышнему воззвал он дерзновенно,
Моля приговорённым даровать
Надежду на спасенье?..

В самом деле –
Прошедший человеческим путём,
Сполна познавший все его тревоги,
Сомнения, тоску и смертный страх,
Неужто не спасет того, кто даже
За смертною чертою сохранил
Достоинство в себе и состраданье,
Остался человеком даже там,
Где человеком быть нельзя?

Неужто
Закон и справедливость больше, чем
Господне милосердие? – Не может
Такого быть ...

Дерзай же, мастер! И
Моля о нас, вовек не отступайся!
Да отворят стучащемуся!..

* * *

Я хочу купить розу.
Хочу купить розу,
Как будто желаю дать шанс

Большому рабу –
Просто шанс умереть на свободе.
Хочу купить розу,
Но каждый раз что-то не так:
Не то, что нет денег,
Не то, чтоб последние деньги,
Но просто есть множество
Необходимых вещей.
Так много вещей.
И снова цветок остаётся
У смуглых лукавых торговцев
За пыльным стеклом.
А я ухожу,
Продвигаясь всё дальше и дальше,
В то время, когда,
Я и впрямь на последние деньги
Куплю себе розу.

* * *

«Мы тут все хороши, пока всё хорошо,
А задень интересы – иной разговор:
На такое нарвёшься – сотрут в порошок...» –
Докурив, он рывком передёрнул затвор,

И зевнул: «Я тебе – друг, товарищ и – волк.
Пусть считают меня дураки – подлецом.
Наплевать!..» – так сказал человек, и умолк,
Тяжелея и отвердевая лицом.

Но другой рассмеялся: «Всё правильно, брат!
Нынче воздух до боли пронизан весной –
Не наполнится слух, не насытится взгляд...».
И шагнул, повернувшись беспечной спиной.

Мир дышал на разрыв, шелестел и звенел,
Человек по ладони раскрывшейся шёл.
И дрожал у него меж лопаток прицел,
И отбрасывал солнечных зайчиков ствол.

У меня три шага от стены к стене,
 Ручка и бумага, и луна в окне.
 Тонкий лучик света темнотою сжат,
 А за стенкой где-то мышки шебуршат.

Мышки голодают каждую весну –
 Корочку глодают, ходят на войну.
 Может быть, обои прогрызут до дыр,
 Может, где-то с бою раздобудут сыр.

Ветер задувает в чёрную дыру,
 Мышки затевают тихую игру:
 То ли что-то тащат, тащат и грызут,
 То ли настоящий учиняют суд.

Может, загуляют, вольностью горя,
 Может, расстреляют белого царя.
 А потом заплачут, каяться начнут,
 С пряника на сдачу получивши кнут.

Высохшие крошки, перекисший страх.
 Злые-злые кошки сторожат в углах.
 За окошком лужа с огоньком на дне...
 Мышкам явно хуже, чем, к примеру, - мне.

У меня три шага и затяжки – три,
 Ручка и бумага, и стихи – внутри,
 Над башкою – крыша, и на кухне – газ...
 Господи, услыши, и помилуй нас!

ТРОЛЛЕЙБУС

Неизвестным безумцем когда-то
 Прямо к низкому небу пришит,
 Он плывёт – неуклюжий, рогатый,
 И железным нутром дребезжит.

Он плывёт и вздыхает так грустно,
 И дверьми так надсадно скрипит,
 А в салоне просторно и пусто,
 И водитель как будто бы спит.

И кондуктор слегка пьяноватый
На сиденьи потёртом умолк.
Ни с кого не взимается плата,
И на кассе ржавеет замок.

Он плывёт в бесконечности зыбкой,
В безымянном маршрутном кольце
С глуповато-наивной улыбкой
На глазастом и плоском лице.

И плывут в городском междустрочьи
Сквозь кирпично-асфальтовый бред
Парусов истрепавшихся клочья
И над мачтами призрачный свет.

* * *

*...так ведь меня могут спутать с теми, кто пишет о розах
и бабочках...*

высказывание в сети.

Да, я буду писать о бабочках и цветах
Всем смертям и войнам назло – обязательно буду,
Потому что мне не пройти через боль и страх,
Если не пронесу их в себе повсюду.

Да, я буду писать о них, потому что они – хрупки,
Потому, что их мужество много больше, чем наше...
Лёгкие крылышки, тонкие лепестки –
Целый мир, что мудрее людей и старше.

Буду писать, потому что без нас без всех
Жизнь обойдётся, а вот без них – едва ли.
Пропросту треснут, расколются, как орех
Планы, амбиции, прочие «трали-вали».

Потому, что когда не станет «своих» и «чужих»,
И сквозь горький стыд и недоуменье
Мы возвратимся, то снова увидим их.
И разглядим вечность внутри мгновенья.

* * *

Апрельский день прочитан между строк.
В облупленной стене несвежей раной
Темнеют кирпичи. И водосток,
Вообразив себя трубой органной,

Прокашлялся и загудел. Под ним
На тротуаре – трещинок сплетенье,
И прошлогодний лист, весной гоним,
Плывет в небытие прозрачной тени.

И снова мир течет сквозь решето
Фантазии, сквозь близорукость взгляда,
И мне не выразить словами то,
Что вновь его спасает от распада.

* * *

Господи, взгляни на наши лица –
Ты сияешь славой в звёздном стане,
Господи, мы – птицы, только птицы,
Жизни еле слышное дыханье.

Наша плоть под солнцем истончилась,
Выветрились слёзы и улыбки,
Нашу тонкокость, легкокрылость
Лишь в полёте держит воздух зыбкий.

Господи, ну что ещё мы можем?
Только петь. Не помня о законе,
Петь одну любовь... И всё же, всё же –
Не сжимай в кулак своей ладони!